

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371 (571.1)
ББК 74.24 (253.1)

Е. Г. Чумак

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В 20-Е – НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XX В.

Ключевые слова: национальное образование; коренное население Тобольского Севера; подготовка педагогических кадров для национальных школ.

Резюме: В статье выделяются основные проблемы, которые возникали в 20-е – начале 30-х гг. XX в. в подготовке специалистов для школ Тобольского Севера: отсутствие достаточного количества представителей коренного населения, способных обучаться в вузах; сложность в организации практики для студентов в национальных округах; распределение выпускников в районы проживания коренного населения.

С 20-х гг. XX в. возникает необходимость решения проблемы ликвидации неграмотности коренного населения на территории Тобольского Севера. Одновременно с проблемами, обусловленными отсутствием письменности, единой системы и принципов обучения, необходимо было решить вопрос подготовки учителей для национальных школ.

Советское правительство уделяло много внимания подготовке специалистов для северных школ. При этом оно сталкивалось с различными проблемами, которые возникали в этой сфере. Прежде всего необходимо отметить отсутствие представителей коренного населения, которые имели бы необходимое образование для поступления в вузы. Также существовала сложность в организации практики студентов в национальных округах и в распределении выпускников в районы проживания коренного населения.

В 20-е гг. было трудно решить проблему подготовки коренного населения из-за отсутствия специальных педагогических учреждений. При этом развитие просвещения на Тобольском Севере требовало подготовки кадров из среды северных народов. А.В. Луначарский говорил, что «мы не можем идти вперед, если не будем интенсивнейшим образом работать над созданием собственной туземной интеллигенции» [Луначарский, 1927. С. 20].

В Постановлении Совета народных комиссаров РСФСР (июль 1926 г.) указывалось на необходимость открыть достаточное количество педагогических учебных заведений для национальных меньшинств в соответствии с законом о введении всеобщего обучения [ГАТОТ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 3. Л. 31–32]. Первым высшим учебным заведением, в котором началась подготовка специалистов для национальных школ, был географический институт в Ленинграде, в 1925 г. объединенный с географическим факультетом Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Этнографический факультет Географического института был преобразован в этнографическое отделение, где были открыты специальные курсы для студентов, желающих работать на Севере. Из-за отсутствия абитуриентов из среды коренного населения, которые имели бы среднее образование и могли обучаться в вузах, первыми специалистами национальных школ стали русские студенты. В 1926 г. отделением была подготовлена первая группа молодых специалистов-североведов в количестве 12 человек [Вдовин, 1934. С. 289].

В 1925/26 уч. г. при этнографическом отделении Ленинградского географического института и на факультетах общественных наук ЛГУ были открыты так называемые северные группы, в 1925 г. при рабфаке ЛГУ организована группа в количестве 20 студентов-северян, в их числе были три ханта и четыре ненца. Через год на основе этой группы было организовано Северное отделение рабфака при Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) и открыто подготовительное отделение. Для представителей народов Севера, которые не имели должных знаний для поступления в вузы, были упрощены условия приема, допускавшие зачисление без знания русского языка. Учебный план Северного отделения, кроме общих предметов, включал изучение северных языков, этнографии, основ оленеводства, собаководства, работу в учебных мастерских по выделке пушнины.

В 1925/26 уч. г. на Северный рабфак при ЛИЖВЯ Тобольским округом было командировано четыре представителя коренной национальности, в 1926/27 уч. г. – пять [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 133. Л. 15об.]. В 1928/29 уч. г. – восемь человек: два ханта, два манси и четыре ненца [ГАТОТ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 127. Л. 2].

В мае 1926 г. Ленинградское филиальное отделение Комитета содействия народностям северных окраин при президиуме ВЦИК отчиталось перед Комитетом Севера при Уральском областном исполкоме о том, что «первый год на Северном отделении рабфака ЛГУ закончился вполне удовлетворительно. Студенты приобрели навыки общественной работы и прошли примерно программу школы 1-й ступени» [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 46. Л. 63].

С целью подготовки учителей для районов Крайнего Севера в 1926 г. при Ленинградском Восточном институте им. А.С. Енукидзе (бывший ЛИЖВЯ) на базе Северного отделения рабфака был открыт Северный факультет. На основе факультета были открыты советское, кооперативное и педагогическое отделения, на которых устанавливался 4-летний срок обучения. Для лиц, не владеющих русским языком и письменностью, а также четырьмя действиями арифметики, устанавливался дополнительный годичный срок обучения на подготовительном курсе. На факультет зачислялись лица обоего пола от 16 до 30 лет. Никаких требований в отношении общеобразовательной подготовки и знания русского языка не предъявлялось [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 24. Л. 19].

В 1926/27 учебном году Тобольским округом в институт было командировано восемь человек (четыре ханта, два манси и два ненца), в 1927/28 – также восемь человек (один хант, два манси и пять ненцев), в 1928/29 году – семь человек, в их числе две женщины [ГАСПИТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 848. Л. 23 об.]. В 1928/29 уч. г. на Северном факультете было предоставлено сто мест для коренного населения Севера [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 24. Л. 19]. Несмотря на наличие вакантных мест, набрать абитуриентов оказалось сложно, хотя условия приема институтом были максимально упрощены. В 1928/29 уч. г. в институте обучались пять хантов, четыре манси и семь ненцев [ГАСПИТО. Ф. 30. О. 1. Д. 777. Л. 147].

Северный факультет в начале 1930 г. был реорганизован в самостоятельный Институт народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича (ИНС). В его задачи входила подготовка специалистов среднего и высшего образования из числа представителей коренного населения Крайнего Севера и организация научных исследований в области языков, письменности и культуры этих

народов. Он сыграл значительную роль как в разработке учебно-методических пособий, так и в подготовке учителей. В структуру факультета входили учебная и научно-исследовательская части. Последняя разрабатывала проблемы письменности и учебной литературы. Учебная часть включала подготовительное, основное отделения, североазиатский семинарий (высшее звено) и аспирантуру. Срок обучения на основном отделении был 4 года, но часто продлевался до 5–6 лет [ГАСПИТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 777. Л. 147].

В 1930/31 уч. г. для студентов, слабо владевших русской разговорной и письменной речью, было организовано годичное подготовительное отделение [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 174. Л. 39]. Несмотря на открытие практически во всех вузах подготовительных отделений, в течение года обучения представители коренного населения, не имевшие ранее элементарных знаний русского языка и общеобразовательной подготовки, не могли успешно освоить объем знаний, который был необходим для поступления на 1-й курс. Для того чтобы усвоить программу высших учебных заведений, необходимы были более подготовленные абитуриенты. По этой причине правила приема в вузы были усложнены. В ИНС к кандидатам предъявлялись следующие требования: владение языком одного из северных народов, русской разговорной речью, умение читать, писать, знать четыре действия арифметики и достижение возраста от 16 до 20 лет. Предпочтение отдавалось тем, кто, при прочих равных условиях, окончил школу-интернат. Оплату дороги и обмундирования должны были предоставить местные органы образования. Прибытие в Ленинград намечалось с 15 августа до 1 сентября. Посылаемые туземцы не должны были принадлежать к одному роду, чтобы не было родственных связей с предыдущими выпусками [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 174. Л. 38]. Это было связано с тем, что чаще всего по окончании обучения выпускники возвращались на территории своих родовых угодий. Принадлежность к одному роду способствовала возникновению неравномерности распределения учительских кадров по районам. Во избежание такой ситуации было принято решение набирать абитуриентов, принадлежащих к разным родам.

В 1931/32 уч. г. на основное и подготовительное отделения Института народов Севера в Уральскую область пришла разверстка на двадцать два человека, в их числе – на десять хантов, четыре манси и восемь ненцев [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 174. Л. 40]. В этом учебном году от Тобольского округа в институты было командировано 19 человек, в 1932/33-м – 20, в 1933/34-м – 10, в 1934/35-м – 13, 1935/36 уч. г. – 13 [Архивный вестник. 2000. С. 24].

Первый выпуск Ленинградского ИНС состоялся 3 мая 1931 г., в том числе институт окончили 15 представителей малых народов Севера. После четырехлетнего обучения они были командированы на работу в свои районы [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 207. Л. 49].

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. появилась потребность в квалифицированных преподавателях из коренного населения для обучения учащихся вузов родным языкам, методикам преподавания в национальных школах, а также в специалистах, которые принимали бы участие в разработке алфавита, письменности, учебных пособий для школ. С этой целью в январе 1929 г. в Ленинграде было открыто Северное отделение при педагогическом институте им. А. И. Герцена (ЛГПИ). Первоначально были организованы краткосрочные курсы по подготовке работников для северной школы. В

1930/31 уч. г. открылось основное отделение с трехгодичным учебным планом, главная задача которого заключалась в подготовке кадров преподавателей северных языков для педагогических вузов, техникумов и северных школ второй ступени, а также работников Комитетов нового алфавита при Северных национальных и окружных исполкомах. Принимались на отделение преимущественно учителя начальной школы, знакомые с бытом северных народов и частично знающие один из туземных языков. Во время всего периода обучения студенты получали две специальности: преподавание одного северного языка и русского языка и литературы или преподавание исторических и экономических дисциплин в северных техникумах и школах второй ступени [Василевич, 1933. С. 81].

Несмотря на актуальность открытия Северного отделения, Комитет Севера получил уведомление, что осенний прием на 1931/32 уч. г. был сорван: вместо 50 человек округами было командировано лишь 20. Считая такое положение абсолютно недопустимым, Комитет Севера просил Уральский комитет Севера командировать в зимний прием трех учителей, работающих среди коренного населения. В случае невозможности командировать педагогов предлагалось подобрать кандидатуры, которые подходили бы для работы на Севере. Такие же распоряжения были отправлены и местным Комитетам Севера [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 174. Л. 263–264]. В первые годы работы на Северном отделении не было студентов из Тобольского округа, только в 1934/35 уч. г. из округа было командировано 30 человек [Архивный вестник. 2000. С. 24].

В 1930/31 уч. г. при ИНС планировался к открытию Североазиатский семинарий (вузовское звено с трехгодичным сроком обучения) в составе социально-экономического и литературно-лингвистического отделений [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 174. Л. 47]. Литературно-лингвистическое отделение включало тунгусо-манчжурскую, палеоазиатскую и финно-угро-самодийскую группы. Целевая установка семинария – создание высококвалифицированных работников в области изучения национальных языков и национальной культуры [ГАТОТ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 64. Л. 198]. По правилам приема кандидаты должны были владеть разговорной речью одного из северных туземных языков и находиться в возрасте от 22 до 42 лет. Также они должны были свободно владеть русской речью, иметь подготовку в объеме национального техникума или рабфака и практику работы в школе не менее трех лет [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 174. Л. 35–36]. В 1930/31 учебном году планировался первый набор, для чего была отправлена разверстка на места, в том числе на одного человека из Уральской области [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 174. Л. 37]. Из-за сложных условий приема и отсутствия учителей со специальной подготовкой открытие отделения не состоялось.

Организовать подготовку преподавателей для северных школ второй ступени, средних специальных и высших учебных заведений, а также специалистов в области языков и культуры коренных народов Севера в начале 30-х гг. было практически невозможно. Это также было связано с отсутствием учителей, имеющих необходимый объем знаний для повышения квалификации, поэтому и Северо-азиатский семинарий и Северное отделение при ЛГПИ в этот период так и не были открыты.

Наряду с этим для подготовки педагогических кадров высшей квалификации для национальных школ и педтехникумов при ЛГПИ с 1935 г. существовала только особая группа, которая была приравнена в материальном

обеспечении к дефицитным специальностям. Студенты, независимо от выбранной специальности, обязательно обучались северным языкам, истории и этнографии народов Севера в соответствии с запросами тех национальных округов, где они планировали работать в дальнейшем. Студенты, кроме основного языка, по которому они специализировались в течение первых трех лет обучения, на последнем курсе изучали еще один северный язык, преимущественно родственный основному [Гамалов, 1935. С. 26]. При Северном отделении для преподавания туземных языков была создана кафедра языков народов Севера, у истоков которой стояли профессора В. Г. Богораз-Тан и Я. П. Кошкин (Алькор). Большую организаторскую работу проводили тунгусоведы Г. М. Василевич и В. И. Цинциус.

Немаловажной проблемой в подготовке кадров была организация педагогической практики студентов в национальных школах округа. Большинство учащихся вузов проходили практику в русских школах, в связи с этим выпускники недостаточно отчетливо представляли специфику работы по отдельным предметам в национальной школе и, приступая к работе, затруднялись в преподавании русского языка, истории, географии и других предметов. Они начинали работать по русским учебникам, применяли те же методы и приемы, что и в русской школе, не знали, как работать с учетом национальных особенностей школьников. Еще одна трудность при организации практики состояла в том, что высшие учебные заведения находились в отдаленности от северных школ. Таким образом, выпускники, приехав на работу в школы округа, не имели знаний не только по методике, но и по практике работы с учащимися коренных народностей.

Для того чтобы студенты, как русские, так туземцы, могли ознакомиться с особенностями методики преподавания в национальных школах, некоторые институты организовывали производственные практики непосредственно в округах.

Так, ЛГУ в 1925/26 гг. обратился с просьбой к местным Комитетам оказать содействие своим студентам и на средства Комитета Севера командировал в Обдорский округ на летнюю практику студентов и выпускников для работы среди коренного населения.

На летнюю этнографическую практику для работы среди туземного населения были отправлены студенты Н. А. Котовщикова, Г. И. Каминский, В. Н. Чернецов. Отмечалось, что «в области общественно-культурной работы среди туземцев у них была специальная подготовка» [ГАТОТ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 5. Л. 82–84]. Н. А. Котовщикова также принимала участие в Приполярной переписи населения (1926 г.) и была начальником Северо-Ямальской экспедиции научно-исследовательской секции Комитета Севера (1928–1929 гг.).

В 1931 г. на летнюю производственную практику в Кондинский район был отправлен студент 3-го курса К. Пакин, по национальности манси [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 207. Л. 55]. На летние каникулы для просветительской работы среди местного населения были отправлены студенты-ханты А. Ельпин и В. Чешова. Зырянин М. Ануфриев, хорошо знавший хантыйский язык, был рекомендован для работы в течение года в качестве секретаря Остяцкого родового исполкома [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 46. Л. 63].

Были случаи, когда студенты прерывали обучение для того, чтобы продолжить исследовательскую работу. Так, например, Г. И. Каминский проявил интерес к изучению территорий Казымского тузрайсовета, и Тоболь-

ский окрисполком рекомендовал ему продолжить работу [ГАТОТ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 5. Л. 104]. В 1929 г. Президиум Северного факультета Ленинградского Восточного института им. Енукидзе просил предоставить работу студенту 3-го курса М. Лоншакову, откомандированному на годичную практику в Остяко-Вогульский округ [ГАТОТ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 127. Л. 144].

Не только студенты, но и сотрудники институтов, заинтересовавшись культурой и бытом коренного населения, были направлены для научных исследований в национальные районы округа. Так, например, в район рр. Сосьва и Казым для работы среди северных хантов был отправлен Г. А. Старцев, научный сотрудник ЛГУ, который окончил этнографический факультет [ГАТОТ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 8. Л. 4]. Результатом его исследований стали публикации: «Финно-угорские народы. Очерки» (1927 г.), «Остяки. Социально-этнографический очерк» (1928 г.), «Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование» (1930 г.) [Терюков. <http://www.komi.com/pole/person/ethno/5.asp>].

Ассистент Ленинградского университета при кафедре соматической антропологии Р. П. Митусова была направлена для изучения языка самоедов и сбора краеведческого материала в верховьях Тром-Югана и Полуя и озеро Нум-То [ГАТОТ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 5. Л. 56]. В 1925 г. Р. П. Митусова поступила на службу в этнографический отдел Русского музея научным сотрудником 2-го разряда. Ее интересовали проблемы угро-финской, самоедской и алтайской этнологии. В 1926 г. она продолжила свои исследования на Тобольском Севере [Китова, Кравцова. <http://www.kraumuz.ru/istoriya.html>].

Существовала проблема распределения выпускников после окончания обучения в национальные школы районов округа. Многие из них получали административные должности или оставались в Ленинграде для преподавания. Острая потребность в педагогических кадрах привела к проведению некоторых мероприятий для закрепления студентов в национальных районах.

Для того чтобы учащиеся, посылаемые для учебы в вузы, возвращались на работу в округ, 8 марта 1926 г. на заседании культурно-санитарной комиссии при Тобольском комитете Севера было принято решение, суть которого состояла в том, что Комитет содействия народностям Северных окраин при президиуме ВЦИК был обязан откомандировывать стипендиатов Тобольского комитета Севера по окончании обучения в районы Тобольского округа [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 46. Л. 56]. Так, например, окончившие в 1931 г. ИНС ханты В. Алачев, А. Ельпин и В. Чешова в свое время были командированы на учебу Тобольским окрОНО и были направлены для работы в Тобольский округ [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 207. Л. 50]. Получив педагогическое образование, они и сами хотели работать в национальных школах округа. В. Алачев был направлен в Березовский район, А. Ельпин и В. Чешова – в Кондинский район [ГАТОТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 207. Л. 43].

Ленинградское филиальное отделение Комитета Севера направило в местные органы образования информацию, что они могут заключить контракт с необходимым количеством студентов этнографического отделения географического факультета Ленинградского государственного университета. Подчеркивалось, что студенты после обучения обязательно будут направлены на постоянную работу на Север [ГАТОТ. Ф. 690. Оп. 1. Д. 127. Л. 122].

В 1934 г. Наркомпрос предложил ряду педагогических институтов северной полосы РСФСР провести кампанию по самозакреплению студентов

старших курсов за национальными округами, чтобы со следующего учебного года организовать из них группы с обучением соответствующим языкам. Это мероприятие не принесло должных результатов, потому что в отдельных институтах такая работа не была проведена, а сформированные группы оказались настолько малочисленными, что не было возможности обеспечить их преподавателями.

Проблема нехватки педагогических кадров привела к необходимости принятия мер в отношении учебных заведений, занимающихся подготовкой учителей для национальных школ. Окружкомом ВКП (б) было рекомендовано принимать на Северные отделения институтов студентов только по путевкам ОкрОНО. При выборе специальности студентам Северного отделения ЛГПИ, факультета народов Севера ЛГУ рекомендовать специализацию по языкам, так как в этих кадрах округ испытывал острую нужду. Требовалось не допускать зачисления студентов ханты и манси на отделения других языков. Ближайшие выпуски студентов коренных национальностей необходимо было направлять в округ для практической работы, а не оставлять их в Ленинграде [ГАСПИТО. Ф. 107. Д. 1480. Л. 52–53].

Таким образом, политика в области национального образования, в том числе и подготовка специалистов для национальных школ, определялась государством. В 20-е гг. XX в. при наличии вакантных мест в высших учебных заведениях и минимальных условиях приема не было должного количества представителей коренного населения в Тобольском округе, которые имели необходимое образование для продолжения обучения. В начале 30-х гг. XX в., когда появляется потребность в высококвалифицированных кадрах для национальных школ и для высших и средних учебных заведений, начинается политика ужесточения требований для поступающих в институты. Крупнейшие институты, которые занимались подготовкой специалистов в этой сфере, были организованы в Ленинграде. Огромную роль в подготовке педагогических кадров для национальных школ Севера сыграли Северное отделение рабфака при Ленинградском институте живых восточных языков, Институт народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича и Северное отделение при ЛГПИ им. Д.И. Герцена. Эти заведения подготовили первых квалифицированных специалистов для работы на Севере. Студентами изучались методические особенности преподавания в национальных школах, для чего их направляли на практику в национальные округа. Местные органы народного образования, понимая необходимость закрепления выпускников в национальных районах округа, проводили для этого серьезную работу. Именно первые выпускники этих высших учебных заведений стояли у истоков развития национальной школы на Тобольском Севере и внесли огромный вклад в исследование языковых и культурных особенностей, а также в изучение принципов воспитания и обучения северных народов.

Литература

1. Архивный вестник. Просвещение в Остяко-Вогульском округе в 30-е гг. XX в. – Ханты-Мансийск, 2000. – 40 с.
2. Василевич Г. Северное отделение пединститута им. Герцена в Ленинграде // Советский Север. – № 1. – 1933. – С.80-83.

3. Вдовин И. С. Общие сведения о создании письменности на языках народов Севера // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов. / Под ред. Е. А. Крейновича. – М.-Л.: Учпедгиз, 1934. – 284 с.
4. Гамалов С. О подготовке педкадров для школ Крайнего Севера // Просвещение национальностей. Май-июнь, № 3. – М.-Л.: Учпедгиз, 1935. – С. 21-26.
5. Луначарский А. В. Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере // Северная Азия. – 1927. – № 3. – С. 19 – 21.

Источники

ГАСПИТО – Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Фонд Тобольского окружного комитета ВКП (б): Ф. 30. Оп. 1. Д. 777, 848. Фонд Ханты-Мансийского окружного комитета ВКП (б): Ф. 107. Д. 1480.

ГАТОТ – Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске. Фонд Комитета содействия народностям Севера при президиуме Исполнительного комитета Тобольского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1923–1934 гг.): Ф. 690. Оп. 1. Д. 3, 5, 8, 64, 127. Фонд Комитета содействия народностям Севера при президиуме Исполнительного комитета Уральского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1925–1931 гг.): Ф. 695. Оп. 1. Д. 24, 46, 133, 174, 207.

Электронные ресурсы

Терюков А. И., Старцев Г.А. (1902 – 1943 гг.) // Полевые финно-угорские исследования. – <http://www.komi.com/pole/person/etho/5.asp>

Китова Л. Ю., Кравцова Л. П. Из истории создания Кемеровского областного краеведческого музея // Сайт Кемеровского областного краеведческого музея – <http://www.kraumuz.ru/istoriya.html>